

Олег Паршев

Ночной трамвай

Книга стихов

Олег Паршев

Ночной трамвай. Книга стихов

«Издательские решения»

Паршев О.

Ночной трамвай. Книга стихов / О. Паршев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903809-8

А потом распахнутся двери,Приглашая в отель,Полный света
серебряной тьмы.И я расскажу тебе, милая АннабельЛи,Как
на ВенереСядятся на мельКорабли,Ожидая зимы.Это моя четвёртая
книжка стихов. Перед ней появились «Иероглиф «Свет», «Тау Кита»
и «Необитаемые сны».

ISBN 978-5-44-903809-8

© Паршев О.
© Издательские решения

Содержание

Заметки на полях боливара	6
Глаза окаянной Дженни	6
Лот	7
По грани ножа	8
Она пишет мне что-то в лич...	9
Если отлететь в сторону	10
Ведёт куда-то колея	11
Будто пёс	12
Чёрный ворон	13
Дамский стальной каблук	14
Тает...	15
И пролилось вино	16
Когда?	17
В точке пересечений	18
В точке пересечений	18
В росе перепелиных прерий	19
Анна, конечно, жива!	20
Треугольное время сна	21
Зеркальное время сна	22
Вертикальное время сна	23
Зелёное время сна	24
Треугольники #1	25
Треугольники #2	26
Треугольники #3	27
«порошки»	28
«порошки» 2	29
«порошки» 3	30
«порошки» 4	31
«порошки» 5	32
Песни южных медвян	33
Приезжай ко мне в деревню!	33
Мы сидели на крылечке	35
Непальской тропой	36
Сидел раз Ерёма...	37
Без навязчивых иллюзий	38
Рапа-Нуи	39
Что мы делать будем в Дели?	40
Краткая история происхождения южных медвян:)	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ночной трамвай Книга стихов

Олег Паршев

© Олег Паршев, 2018

ISBN 978-5-4490-3809-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Заметки на полях боливара (2014)

Глаза окаянной Дженни

Жёлтые – цве`та уставшей тени —
Бабочки кружат в моём доме.
На каждом крыле – глаза окаянной Дженни.
Кому мне сказать об этом? Кому?...
Но если яркие свечи твои – это морские рыбы,
Если твои сторожа – это тюлени.
Я уйду вместе с тобой,
Ибо
Солнце ползёт двуликой змеей —
Пожирает тьму.

Лот

Стандарты стада – словно студень.
А в реверс – будто бы болото.
Протянут жердь, а глядь: шпицрутен.
Да – гарпуном, как кашалота.
Из этой каши Лот единый
Себя исторг. Засим, в скафандре
Бежал в медовый край Медины,
Сверяя сканером Кассандры
Свою тропу и снов пит-стопы
С мечтой, застывшею стоп-кадром...

Так вышел Лот из хронотопа
И скрылся в сельве Сьерра-Мадре.

По грани ножа

Из-под платка облаков выбивается прядка —
Это солнечный луч.
Хочет нас поглотить без остатка
Асфальт —
Он сегодня тягуч.
У тебя за плечами
Семь Самаркандов
И дюжина Мальт.
И твоя говорящая панда
Шепчет мне: О, блистательный скальд,
Если сможешь, поправь,
Но ты знаешь и сам,
Что, прокравшись по грани ножа
Через дом с палачами,
Угодишь в неоглядную явь...
Моя госпожа
Тебя дожидается там.

Она пишет мне что-то в лич...

Я подумал: она, безусловно, права —
Мы все когда-то ляжем в этой траве.
Мир уже не договаривает слова — шепчет: здра...
Я киваю: приве...
Но пока она пишет мне что-то в лич...
И я ей что-то отве...
А потом утро берёт в руки спич...
Зажигает све...

Если отлететь в сторону

Сижу на подоконнике,
Ноги болтаются в пустоте.
Внизу – фуры-двадцатитонники,
Девушка жуёт гамбургер, совсем не думает о посте.
А на посту стоит угрюмый городской,
Взгляд из-под фуражки недобр.
Видать, он пил вчера с какой-то братвой,
Возможно, его не берут в СОБР...
Взлететь, разве, как ворон?
Испугать прохожих? Выкрикнуть «кар-р-р»?..
И тогда, если отлететь в сторону,
Увижу, как вращается земной шар...

Ведёт куда-то колея

Сладка ирония моя,
Да кисловато послевкусье.
Ведёт куда-то колея.
Кто знает? – может, не вернусь я...

И лишь любви я не предам —
Она горчит. Но, право, стоит
Солёных слёз, и грёз, и драм,
И... Впрочем, прочее – пустое.

Будто пёс

Сон был в руку,
А бес – в ребро.
Ставил я глюки
Да все на зеро.
И кипел будто рой
Славный мир наш,
Обращаясь порой
В мираж.

А вот явь была
Словно винегрет.
Да хрома, да мала —
Не вмещалась в бред.
Но реал вышел вон —
Он всему виной...
Благо, верный сон —
Будто пёс – за мной.

Чёрный ворон

Что ж ты вьёшься, чёрный ворон,
Над моею головой?
Да грозишься nevermog`ом?
Да вселенскою бедой?

Ты не вейся, black`ный Raven,
Тут не сведаешь пожив.
Путь мой гладок да исправен;
Я в грядущее believe!

Дамский стальной каблук

Писали йети яти.
Пришельцам сие в напряг.
(Обычно они в засаде,
А нынче вот – просто так.)
И было всё тихо, мирно,
Пока не пришли волхвы.
Они притащили смирену,
Ливана и чуть халвы.

И мы запаслись терпением,
И чаша пошла вокруг.
И нас унесло теченьем
Под дамский стальной каблук.
А дальше – опять за яти,
А времечко всё – тик-так.
Это был сон в квадрате,
А может, снесло чердак...

Тает...

Смешались кони и люди
В доме Облонских.
Всё поделили Иуды.
И сам Саурон стих.
Не слышно звона Шалтая-Валдая.
Все бряцают оружием.
Мир страдает удушьем...
Тает...

И пролилось вино

...и пролилось вино,
и созрели истины зёрна...
И пророс корень зла.
Сколько логических веток выйдет на свет?..
А пока созревает зерно,
время сдвигает курсор на
мушку ствола.
А конь времени блед...

Когда?

Когда мы поймём
(в какой-то будущий год),
что время – главный источник энергии,
то из Земли построим уютный и вечный дом
вместо нашей пещерки и
станем в нём
жить да не кручиниться,
ибо до нас дойдёт,
что планета наша —
не какая-то там гостиница
или – как бы это сказать? – космосоход,
а многомерная чаша
Грааля,
уходящая в любые и бесконечные концы и дали.

В точке пересечений (2014—2015)

В точке пересечений

По газовой трубе бегают белка.
Кот, глядящий с третьего этажа,
кричит ей «welcome!»
Но рыжая, свободою дорожа,
прыгает вниз,
что—то цокает, кажется, «please»,
прости, мол, у меня и так дел от ушей до хвоста.
И бежит от кота
и ото всех нас,
укоряя себя за поиски приключений...

И всё снова на привычных местах.
Белка, сидя в дупле, пишет трактат
о говорящих по-английски котах;
о влиянии санскрита на миграции тех, кто хвостат;
в трубе шуршит, прилетевший из Уренгоя, газ.

А я стою в точке пересечений...

В росе перепелиных прерий

Не всем известно: Айболит —
Любимый сын Деда-Мороза.
Об этом Фету Майн Рид
Писал, когда служил матросом.
Сам Фет парил невдалеке,
Пронзая ночь аэростатом.
Держа в зажатом кулаке
Всё то, что вечностью разжато.

И Айболит, и Рид, и Дед
Без всяко лишних фанаберий
Шли, как чероки — следом в след —
В росе перепелиных прерий.
И чуть зевая через глаз,
Что было так по-марсиански,
Они — незримы между нас —
Читали мысли этой сказки.

Анна, конечно, жива!

Дело было после пожара,
Когда поутих аврал.
Кити поймала ручного кальмара,
Что под шумок сбежал.
И, о передник вытерев руки,
Поправив в причёске коралл,
Сказала: это, верно, со скуки
Николаич всё переврал.
И Левин кивнул, ну, конечно же – слухи,
И тихо пробормотал:
Лев Николаич тогда был не в духе...
И – чёрт бы их всех побрал!..

И никто не бросался под локомотивы,
И Анна, конечно, жива.
Её увёз в Полинезию Стива,
Там – финики и айва.
Кити в ангаре кормила кальмара.
Я взялся за флажолет...

А Вронский уже бил по клавишам яро,
В Сети покупая билет.

Треугольное время сна

Снимаешь одно лицо, другое, ещё с дюжину
И понимаешь, что это ты, именно ты, ходил по воде.
А вчера после ужина
Поправлял локон самой непослушной звезде.

Между тем, мохноногий (трёхгранной мотыгой,
Сотворённой когда-то Гварнери,
Удерживая в берегах убегающий к небесному краю, сад),
Ворчит вполголоса, что, если б я умел держать в руках книгу,
То знал бы, кто мой истинный брат.

Но я нисколько ему не верю.

Зеркальное время сна

Сон разума в руку
порождает томлёный овощ.
Придёт ли помощь
От рыб, уходящих к югу?
Думаю, ждать не стоит. Тем более,
Что их путь неподвижен —
Их сносит теченьем свободы и воли.

Рассвет растворяет тягучий морок,
Выгоняет сорок сороков рыб из подкорок.

А ты знаешь, что поиски новой доли
Начинаются в час луннооких вишен?

Вертикальное время сна

Когда разум ползёт улиткой —
Вверх до самых высот,
Много ль он видит красот
С вертикальной стены?

Наблюдая его полузратно
Со стороны,
Явь пытается дёргать за нитки.
Но тот непослушен. И ей... в общем, хоть плачь, но
Разуму всё равно.
Плывёт он на лодочке зодиака
На весеннем ветру.

А в полночь мой Разум-улитка и его @
Стартуют с Куру,
Чтобы к утру,
Нажимая на клавиатуре
Снип, Снап, а затем Shift (одновременно со Снурре),
Зайти на посадку, зная,
Что ты заварила чаю
Из лепестков золотого огня,
Ожидая меня
На сакральном своём Байконуре.

Зелёное время сна

Время северных трав
Подходит к концу.
Вода поднимается прямо к лицу.
Ветер приносит «I love»
От тебя,
Скрипя
Тополями.

Ночь открывалась подобно ларцу,
Предлагая выбрать нам по кольцу.
Но мы обменялись антителами.

Треугольники #1

Адама Ева запилила.
Угас порыв холостяка.
И он в сердцах уехал к Лиле,
Купив конфет и коньяка.
Лилит клевалась, точно птица,
Господь смеялся: Не воздам!
А что ж ты хочешь? – демоница!
И опечалился Адам.

И вновь запиленный изрядно,
Он бросил краткое: Пока!
И к Еве двинулся обратно,
Купив букет и молока.
Грустили ангелы по веткам.
И даже змей слегка грустил.
Адам возглавил список предков,
Которым рай порой не мил.

Треугольники #2

Карп и Клара – ах! – вовсе не пара!
Кларе жаль, что рассталася с Карлом.
Только Карлу милей Че Гевара.
Где-то в сельве они под огнём.
Ну, а Карп носит Кларе брильянты.
(Клара их не желает и даром!)
И всё дарит фиалки и банты —
Нежной страстию к Кларе влеком.

О, прекрасная, Карл не вернётся.
Герильерос суровы, как скалы.
У него доля канатоходца,
Он гуляет по неба кайме.
Только Клара смириться не хочет.
И всё шепчет, и молит устало
День-деньской, а порой, и средь ночи:
Славный Карл, возвращайся ко мне!..

Их архангелы вместе собрались.
Поразмыслив, покликali бесов.
Братцы, нужен тут психоанализ! —
Кларин ангел крылами всплеснул.
Карпов бес усмехнулся: не стоит
Без бутылки и браться за тезы.
В этих судьбах мильон синусоид.
И копыта закинул на стул.

Так и спорят, и судят, и рядят.
За столетьями минули эры.
И чего это, спросите, ради?
Так ведь дело не в этих троих.
Это – вечно-вселенская тема.
Трое – лишь эталон для примера.
Но навряд ли решим мы трилемму...
Нам в себе разобраться б самих.

Треугольники #3

Учитель танцев похож на косматого пса.
Учитель шансов носит космический шлем.
Первый всё шепчет: Вот бы уйти в леса...
Другой пишет в «личку»: Какие леса? Зачем?
Меж ними плывёт по радуге звёздный флот.
Они охраняют твой тростниковый сон.
А если новый не наступает год,
Они лишь смеются: видимо, не сезон...

Утром взлетают птицы твоих чар.
День открывает окна твоим льдам.
Один учитель – глина, другой – гончар.
Один из них – круг, другой – как всегда – Адам.
Учитель танцев – я, бредущий вдали.
Учитель шансов – я, что близок и тих.
Но ты пока не решила, а нужен ли
Тебе хотя бы кто-то из них – двоих.

«порошки»

*

шёл как то штирлиц коридором
сжимался мюллера кулак
а штирлиц тут подумал на фиг
в кабак.

**

мой дядя самых честных правил
ещё есть деверь и сестра
ещё есть кто то подсчитаю
с утра

а чё не сбацать нам макбета
главреж спросил нас прямо в лоб
а чё легко и право братцы
а чё б

«порошки» 2

*

белеет парус одинокий
в тумане горном между скал
а рядом я но как сюда я
попал

**

ночь улица фонарь аптека
всё раскурочено в кисель
а то фанаты шли с балета
жизель

я помню с вами мы лежали
да нет в роддоме и давно
во блин за что меня толкнула
в окно

«порошки» 3

*

однажды я на самокате
весною ранней по траве
но тут овраг лечу как ангел
в кюве

**

все тётки самых честных правил
но из бразилии честней
так лоханулся бравый francis
chesney

кук закричал аборигенам
обратно плыть я не хочу
скажите куки тут обычно
к борщу

«порошки» 4

*

сказала мне уйду к соседу
тебе я больше не жена
влюбилась я подумал нежно
весна

**

ты говорила Достоевский
светлей и выше Кортасар
а Кафка твой ваще никчёмный
базар

мы на Кармен пришли с тобою
уселись в самый центр лож
отпадно детка ты кивнула
а то ж

«порошки» 5

*

прошла зима настало лето
всё помню оливье сосна
ещё петарды блин а где же
весна

**

три поросёнка как то волка
при всех таскали за вихры
подстраховал их малость дядя
вебрь ы

ты это завтра всё подумай
сказала скарлетт не маячь
проснулся чёрт опять не завтра
хоть плачь

шёл колобок тремя ногами
по бездорожной целине
вот сколько нам открытий чудных
в вине

не счесть жемчужин в нашем море
но только тихо никому
так говорил садко гуляя
с муму

у лукоморья дуб зелёный
но цепь пуста на дубе том
сбежал с мессиром просто горе
с котом

Песни южных медвян (2014—2015)

Приезжай ко мне в деревню!

А давай – ко мне в деревню!
Тут охота и пруды.
Местный люд – ну, чисто кремний!
Мы с природою на «ты»!
Здесь растут у нас ранеты,
Что не сдвинуть и конём.
Мы пришельцам под планеты
Энти хрукты продаём.

А надясь подъёмным краном
Мы не стронули арбуз.
Звать пришлось великана —
Пусть берёт вместо бус.
Вот такие пироги тут.
(Мы их лепим из зари...)
А ещё – подкоп в Египут.
Там всего-то шага три.

А однажды летом как-то
Взрос готовый макарон.
И немедля этим хфактом
Озаботился ООН.
Нам прислали директиву,
Что, мол, братцы, вам респект...
Мы и сами дались диву.
Впрочем, мирно, без аффект.

А рыбалка! Нет, про это
Не расскажешь без литавр!..
Мне попался прошлым летом
На червя ихтиозавр!..
Мы потом его неделю
Обучали пить вино.
Но скотина лишь глядела...
Неразумное оно...

В общем, брат, давай ко мне ты
Приезжай понасовсем.
Не бойсь за интернеты.
Тут у нас их цельных семь!
Хочешь, с Марса заскирдует

Их каналы напрямки?..
Ладно, ждут меня. Пойду я
Брагу черпать из реки...

Мы сидели на крылечке

Народная песня народных медвянских партизан.)

Мы сидели на крылечке.
Ночь гасила облака.
У меня в бушлате Стечкин,
У тебя в руках АК.
Мы сидели и курили,
Чтоб не клеить разговор.
Погружаясь в сны идиллий,
Теша наш духовный взор.

А когда к нам спрыгнул лихо
Парашютный диверсант,
Мы его скрутили мигом.
Промеж нас к сему – талант.
И поплыли вдаль на печке.
Наша Волга глубока.
У меня в кармане Стечкин.
У тебя в руке АК.

Непальской тропою

Путешествие медвян за три моря

Шива летает на солнечном шаре.
Шива пьёт сому. А что ж ему пить?..
Замок Благого – Мачапучаре.
Ласточка в небе свистает: фьить-фьить!
Мы же бродили тропою непальской.
Прямо да криво, да снова вперёд.
Шли в ритме танго, и в темпе вальса.
То шибко вприпрыжку, то вязко да вброд.

Шива открылся нам сутки на третьи.
Вышел в сиянии, бросив дела.
Рад вам, родные; ох, счастье, что встретил!
Где же вас носит? Ждёт Шамбала.
Пили мы сому, впадая в сомати.
Ширилось тело астральных ветров.
Всё было ясно, как в Лунной сонате.
Тьму поглощало стадо коров.

Так мы сидели без перекура,
Вольны, как соколы во небесах.
Делали фотки на камер-обскуру.
Да вспоминали о наших квасах.
И вскоре обратно мы двинулись чинно,
На ход ноги попросивши: налей!..
Дома же – жёны, дети, скотина.
И дивные дали бескрайних полей.

Сидел раз Ерёма...

Сидел раз Ерёма, точил веретёна,
А ветер пушистые тучки качал.
И глянул Ерёма во дали бездонны,
Да тропкой, да к речке, да вниз – на причал.
Там чайки кричали в закате слоистом.
Берёзовый плот ухватился за куст.
– А сплаваю в город, и милой монисто
Куплю-ка, пожалуй, и к завтра вернусь...

Три дня миновало, четвёртый – к исходу...
А нету Ерёмы. Безведно истнил!
Селяне баграми потыкали воду.
А что же там тыкать? Тут, братцы, не Нил.
И вышла Матрёна – пустила дракона.
– Лети же, родимый, пари в небеси!
В тех землях, что читаны мной у Страбона,
Сыщи мне Ерёму да к дому снеси!

И взвился «родимый» со скоростью звука,
Пронзил горний космос, да щучкою – вниз.
И взором простёрся: а вот-ка, а ну-ка!..
Ну, где ж ты Ерёма, быстрее отыщись!
Ерёма ж давно закупился в посадe,
А после увлёкся чудно`ю игрой.
Он с мячиком бегал по полю в усладе.
(Два тайма, а меж – подымили махрой.)

Неделя проходит. Да что ж за дела-то?
Матрёна – за скалку! Но оба идут.
С мячом воротились в родные пенаты.
И враз угодили Матрёне под суд.
С тех пор, как лишь только в делах передышка,
Мы мячик гоняем, не всё же нам в пляс!
А судит Матрёна – строга без излишку...

Вот этак футбол начинался у нас.

Без навязчивых иллюзий

Настоящим сообщаю:
Всё в порядке, без оказий.
С той поры, как Стенька Разин...
Так вот, тихо с той поры.
Самовары полны чаю,
Кофей жалует не очень...
Но привычно вилы точим,
А бывает – топоры.

Ну а так, живём покойно —
Без навязчивых иллюзий.
Мы иллюзии, excuse me,
Посылаем кто куда.
Миражи – они на кой нам?
Тут же поле и скотина.
Разогнуть бы к ночи спину —
Нету горя без вреда.

Что нам белый, что нам красный?
Что нам власти, что нам ворог?
Нам весь мир безмерный дорог.
И любые времена.
Жар сердечный, неугасный
Нас ведёт по жизни прямо.
Тропка вьётся к Божью храму,
А другая не нужна.

Рапа-Нуи

Чтоб доплыть до Рапа-Нуи
Надо кучу крепких вёсел.
Чтоб добраться к Рапа-Нуи
Нужно уйму парусов.
И ещё – чтобы ветры дули,
Чтоб никто грести не бросил.
Вот тогда домчимся пулей
К рыжим скалам без лесов.

Здесь – на острове на Пасхи
Нету змей и крокодилов,
Тут – на острове на Пасхи
Нет ни кондоров, ни львов.
Все гуляют без опаски,
И на страх не тратят силы.
Даже топи тут не вязки,
Свод небесный бирюзов.

Там стоят кругом моаи
И взирают безукорно.
Врыты в землю там моаи —
Из вулкана рождены.
Ровно в полночь, вылезая,
Вниз бегут они проворно,
И по морю бродят стайей,
Чуть пьянея от луны.

Хорошо в краю далёком,
Но пора и восвояси.
Побывав в краю далёком,
Вновь подыдем паруса.
И к родимому порогу
Доберёмся без okazji.
Право, чуда в мире много,
Но и дома – чудеса!..

Моа́и (статуя, истукан, идол) – каменные монолитные статуи на острове Пасхи.

Что мы делать будем в Дели?

Что мы делать будем в Дели
Со своею со сансарой?
Говорили ж дуралеям:
Там их просто завались!
Но припёрлись, всё чин чином —
Харе Кришна, Мата Хари.
Ну, там-то – край судьбинный —
Не распробуешь за жизнь.

Но чего же унывать нам?
Унывать-то не с руки нам.
Не поедem же обратно,
Не раскушав, не поняв?
А давай-ка всё подряд-ка!
Что тут с яном, где тут с инем?
Да и сладеньких украдкой,
Чтоб была медова явь.

Ели сытно, пили вволю!
Расстарались парки-норны.
Рок-пирог, отвар юдоли
И варенье из планид.
Фатум жареный в томате
И судьба-индейка с тёрном.
А потом сказали: хватит! —
Только тратим аппетит.

Это всё нам не годится,
Это всё ничуть не наше.
До оскомы – заграница.
Мы тут сами не свои.
Нам одна мила сансара —
Там, где пряник, щи да каша.
В общем, в Тулу с самоваром
Мчим с утра гонять чай.

Краткая история происхождения южных медвян:)

По изустному преданию, пришли медвяне в земли Европы сразу после Потопа, но в отличие от Ноя и его сынов, которые начали заселение мира с горы Араратской, медвяне двинулись к югу от самого арктического севера, ибо именно там – во холодном мраке белого безмолвия – смогли уберечься они от бушующих вод. Печально вспоминали они утонувшую прародину свою – Атлантиду, да поделаться было нечего. И, проплутав, ни много ни мало, пять столетий, пришли они к течению Дона (который эллины именовали Танаис, а хазаре – Амазонской рекой). Тут и обвыкаться стали.

Первое упоминание о медвянах оставил в своих записках древнегреческий историк Гетагор (ок. 467 – 415 до н.э.), имя коего, впрочем, свидетельствует в пользу малоисследованной версии о медвянском его происхождении. В своей «Первичной историографии» Гетагор говорит о племени «метеовянском», как о славном народе, что всегда выказывал себя миротворцем в борьбе эллинов и варваров. При этом призывая всех сесть и выпить, поскольку оное занятие на пользу миру, но никак не войне.

Другой раз замечает медвян на исторической сцене древнеримский историк Апен Тацит (79 – 158). В диалоге «О бесполезности деяния» он приводит медвян (*metavindovs*), как пример народа, склонного к «*meditatio*», что, по мнению автора, является несомненным проявлением высшего благочестия и разумности.

И, наконец, у готского историка VI века Мирована (*Mirodanes*) мы видим более подробное упоминание. В своей «Варрике» (*Commentarii de Bello Varrico*) Мирован пишет, что «есть ещё народ медных венедов („*cuprumvint*“), весьма сильный в медицине, в бортничестве и питии травяных медов».

Помимо того, находим мы медвян у древнеарабских и древнекитайских авторов; изображения их обычаев видим на наскальных рисунках в долине Послеполуденного фавна близ Фантамагусты. Своя же летописная история начинается у медвян от первописателя Неистора. Личность эта, бывшая долгое время более мифологемной, нежели признаваемой официальной наукой, в настоящее время сомнений в своей реальности не вызывает, поскольку могила Неистора (захороненного в 794 году в Нижнедивинском монастыре) отыскана и исследована на радиотермографе, причём, исследования дали бесспорный положительнопробный результат.

Итак, вот что (после некоторой пространной преамбулы, содержащей сведения, которые оглашены нами в начале) пишет Неистор: «...севши по Дону, первым делом разделились они <медвяне> на белых и нижних, от последних же произошли впоследствии южные». Далее Неистор описывает деяния первых князей, обычаи, промыслы, а так же земли, в которых медвяне нашли себе приют. Начало медвянской государственности было положено в 612 году н. э. В этот год князем стал Святоволод, который повелел «ставить град камнетёсный». И град сей вскорости был построен и назван Высков. Как полагают некоторые исследователи, это имя молодой город, ставший тут же стольным, получил от речки Выски, высохшей к концу XIII столетия. Впрочем, к этому времени двор медвянских князей уже переехал в специально обустроенный и уютный Златокаменск, к Выскову же прорыли обширный канал, питающий город водами Дона.

В общем, страна постепенно росла, нравы менялись, кочевые племена свершали набеги; сами медвянцы пытались воевать мало – лишь отражали притязания воинственных соседей, при этом иногда увлекаясь и захватывая их земли.

Культура древних медвян основывалась на вере в высшие проявления божественных сил. Политеистический пантеон включал в себя (по разным оценкам) около 10—12 главных богов, престол же делили Велесень – покровитель всего светлого, «дарователь огня»

и Мара – владычица всего тёмного, хозяйка зимы (впоследствии вытесненная из народного сознания и фольклора Марозкой (Морозкой) – сыном Мары). Мару почитали особо, в некоторых поветах едва ль не более Велесеня, так как была она хоть и «люта, да справедна».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.